

Крутой маршрут японской кинозвезды

(Окончание.
Начало на 1-й стр.)

Крутой маршрут японской кинозвезды

Вместо класса Мейерхольда — сталинский ГУЛАГ

Год с небольшим назад в московской квартирке на Краснохолмской набережной на 90-м году жизни умерла некогда блистательная актриса Иосико Окада. Люди старшего поколения хорошо помнят ее незабываемую «Даму с камелиями» в немом кино.

Мой рассказ об этой редкой женщине и горячо любимом ею японском режиссере Риокичи Сугимото (настоящая фамилия Иосида Иосимас) основан на недавно открывшихся для всех документах НКВД (КГБ), предоставленных мне помощником прокурора Москвы Валентином Рябовым, а также многочисленных встречах с людьми, хорошо знавшими Окаду в течение ее долгой жизни в Советском Союзе.

...История Сугимото и Окады начиналась, как сказка. Молодой театральный режиссер, переводчик русской литературы, состоявший в Компартии Японии, свято верил в «идеи великого Сталина» о всеобщем равенстве и вечной демократии. За свои взгляды в Японии его дважды арестовывали. В 1938 году он убедил знаменитую актрису, «звезду» немого кино, самую красивую женщину Японии Иосико Окаду бежать вместе с ним в Советский Союз — учиться театральному искусству в Москве у всемирно известного театрального режиссера Мейерхольда. Сразу же после Нового года, 3 января, они вдвоем с разрешения японских властей прибыли на Сахалин, где проходила в то время советско-японская граница. Под предлогом выступления перед японскими пограничниками и их семьями Сугимото и Окада привезли детям подарки, были радушно встречены. Японские пограничники — ревностные поклонники таланта актрисы — разрешили ей и Сугимото посмотреть границу и выделили им сами. На одном из участков Окада и Сугимото прыгнули в снег и пересекли границу. Улыбающуюся

(Окончание на 2-й стр.)

ся пару советские пограничники приняли сдержанно, быстро обыскали, но потом обогрели и накормили. В тот же день их препроводили в Александровск, в Сахалинское управление НКВД.

Первым на допрос вызвали Риокичи Сугимото, где он сразу же сказал, что прибыл с мечтой учиться у Мейерхольда.

В то время в НКВД уже фабриковали «дело» на неудобного режиссера Мейерхольда, но не хватало самого главного — конкретных фактов, которые можно предъявить на суде. И вот оно, желанное доказательство! Сотрудники НКВД рьяно взялись за дело. Через несколько дней из Сугимото «выбивают» показания, что он «шпион, посланный в СССР японским генштабом. Цель переброски — связаться со шпионом Мейерхольдом, давно завербованным японцами, чтобы совместно проводить «диверсионные операции».

Через несколько дней Сугимото, сломленного, в разбитых очках, повезли в Хабаровск, а оттуда — в Москву, на Лубянку, где продолжились основательные допросы. Почти полтора года длилось следствие. И вот 27 сентября 1939 г. в судебном заседании Военной коллегии Верховного суда СССР Сугимото заявил, что подвергался пыткам, издевательствам и угрозам и, не выдержав, давал ложные показания — те, которые от него требовали. Все надежды Сугимото на справедливость оказались напрасными — он был приговорен к расстрелу.

Иосико Окаду суд пощадил, не усмотрев в испуганной красивой японке, ничего не понимавшей по-русски, злейшего врага СССР, и приговорил только к 10 годам.

Долгие годы знал Иосику Окаду Л. Левин, заведующий редакцией вещания на Японию. Мы встретились с ним. В узком кабинете на стене у большого окна висел стенд с фотографиями. В самом центре — фотография Окады и Левина (ей там 84 года). Пышные седые волосы, выразительные живые глаза, элегантное черное платье с белым воротничком. Глядя на фотографию, ей ни за что не дашь больше шестидесяти.

«Да, редкая была женщина, — подтвердил Л. Левин. — У нее и судьба редкая. Представьте, хрупкая, прекрасная японка, ничего не понимавшая по-русски, оказывается на допросе у сотрудников НКВД. Ее переводчиком был кореец, очень плохо знавший японский язык. Непонятные, изнуряющие допросы следовали час за часом. Окада однажды с грустной улыбкой рассказала мне: «Видимо, что-то в моем ответе или неправильном переводе не понравилось следователю, он подскочил ко мне и с размаха ударил по лицу». Я спросил ее: «И вы заплакали?» «Нет, зачем? Может, он неправильно понял меня. Очень плохой был переводчик», — объяснила Окада.

Ей несколько дней после того случая не давали спать, допрашивали через каждые три часа. Наконец, она поняла, что от нее требуют признания в шпионской деятельности против СССР. Еле живая от голода и усталости, она подписала все бумаги. Она говорила так: «Пытки совести были

страшнее всего на свете. Два года в лагере в Сибири я мечтала об одном — умереть. Сразу после суда мне сказали, что Сугимото заболел воспалением легких и умер на восьмой день. Но я не поверила этому, как перестала верить многому».

Спустя два года, не в силах держать в себе эту муку, 27 января 1940 года она написала письмо Сталину на японском языке. Его положили в пухлое дело, видимо, посмеявшись над непонятными иероглифами. И забыли. Письмо сохранилось, а после смерти Окады было передано японским властям.

В 1949 г. корреспондентка радио поехала в г. Чкалов (ныне Оренбург) делать репортаж. В это время, по истечении 10 лет заключения, Окаду освободили, но она не имела права уехать в Москву или другой город. С трудом устроилась работать санитаркой в местный госпиталь. Зарплата была мизерная. Наша корреспондентка увидела ее на местном рынке. По приезде в Москву, она взволнованно рассказывала нам: «Вы даже не представляете, кого я встретила на рынке в Чкалове. Японку! Изумительно красивую! И знаете, что она там делала? Рисовала чудные акварели и портреты. Их быстро раскупали».

Мы послали запрос о переводе Окады в Москву, — продолжил Левин. — В то время у нас просто отсутствовали специалисты, владеющие японским языком».

С приездом Окады мы ожили. Образный язык актрисы поражал японских слушателей, начавших было свykаться с послевоенной грубоватостью своих журналистов. Подтверждение тому — огромное количество писем приходило из Хабаровска, где находился своеобразный филиал Московского радио. В основном передачи вели бывшие военнопленные японцы — участники «демократического движения». Из Хабаровска в 1950 г. в Москву перевели прекрасных дикторов — Акира Сейта и Синторо Токигучи, будущего мужа Окады.

...Еще в Японии Окада вместе с Сугимото начала работать в новом, нетрадиционном театре. Она играла в пьесах Ибсена, Чехова, Горького. Сугимото, одаренный режиссер, тогда еще понял, что Окаде необходима хорошая профессиональная подготовка. А получить ее можно было только в Москве, на родине великого Станиславского и его последователя Мейерхольда. Так вот в 1955 году она поступила в ГИТИС. По документам, хранившимся в архивах и музее ГИТИСа в Москве, Иосико Окада стала студенткой в возрасте 44 лет, а согласно японской энциклопедии ей тогда исполнилось 53 года.

О возрасте Окады мне рассказывала ее близкая подруга — Мария Доля, журналист, прекрасный знаток японского языка и литературы. «Как-то мы заговорили с Окадой о возрасте, и она с улыбкой призналась: «На первых допросах у меня спрашивали — сколько мне лет, но переводчик-кореец даже и это перепутал. Когда я увидела в документах год моего рождения 1911-й и попыталась возразить, то меня никто не стал слушать. Так я помолодела почти на 10 лет».

С поступления в ГИТИС началась театральная карьера Иосико Окады. В Театре им. Маяковского, где позже она работала, мне настоятельно советовали по-

говорить с Тamarой Лукиной, бывшим литературным помощником Николая Охлопкова. Лукина рассказала: «Впервые Охлопков привел ее в театр в конце 50-х годов. Очень красивая, невысокая. Охлопков, увидев меня, произнес: «Вот, покажи ей театр, вежи и опекой. Она наш будущий режиссер». Так Окада была принята в театр. Она никогда не говорила, что 10 лет провела в лагере, мы даже не могли предположить такое. Удивительная женщина! Не помню, чтобы она когда-нибудь теряла самообладание или пришла на репетицию хмурой. Ее очень любили. Спектакль «Украденная жизнь» по пьесе японского драматурга Каору Моримото, поставленный Окадой, был сенсацией».

Ведущая актриса театра им. Маяковского Нина Тер-Осипян долгие годы дружила с Окадой. От нее я узнала о другой Окаде. «В возрасте 89 лет Окада вместе с Настей (эта женщина в течение 40 лет помогала ей по дому) полетела в Сочи. За неделю до отъезда она позвонила мне и радостно сообщила: «Я скоро лечу в Сочи. Мне звонил директор музея Николая Островского и сказал, что один японец подарил мне книгу «Как закалялась сталь» на японском языке. Переводчиком книги является Сугимото. Они хотят узнать: кто он такой, что с ним стало. Я должна лететь!» Я пыталась отговорить ее — чувствовала Окада себя неважно, да и разговора по телефону или письма было бы достаточно. Но долгий путь ее не испугал. Она вернулась через три дня — воодушевленная и помолодевшая. «Знаешь, как меня встречали? Были очень признательны за мой рассказ. А ты меня отговаривала».

Встретилась я и с Анастасией Галеевой. «Я знала ее 40 лет, — вспоминает она. Не помню, с чего начался наш разговор о лагере, о Сибири. Сначала ее отправили на лесоповал — такую хрупкую, просто невозможно представить. Ее заставляли пилить толстые деревья, а она понятия не имела, как держать пилу. Хорошо, нашлись добрые люди, помогли. Через год в феврале Окаду повезли в другой лагерь. Во время переезда заболела воспалением легких. Но самое непостижимое — она вспоминала не о болезни и холоде. Ей на всю жизнь запомнились лица молодых солдат, которые всю дорогу заботились о ней, приносили кипятку».

В лагере ее называли русским именем «Катя». Она говорила, что в основном с ней в заключении находились жены интеллигентов — писателей, актеров, режиссеров. «Хорошие, добрые люди были рядом со мной», — не раз повторяла Окада.

После смерти Окады остались ее дневники. На одной из страниц значится: «Период Лубянки». Только загавные, и ни одной строчки. И период жизни в Сибири отсутствует. Может быть, Окада намеренно оставила «белое пятно» в своей биографии?

Елена ЧЕКУЛАЕСА.

Кто поверит, что на этом снимке И. Окада 76 лет!